

СВІТОВІ ДИСКУСІЇ

УДК 94 (438)

Васи́лий Ткаченко

О ПРАЗДНОВАНИИ 1150-ЛЕТИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯД С УКРАИНЫ

У статті розглянуто версію світ-системного аналізу походження Русі під кутом зору святкування в Російській Федерації ювілею 1150-річчя зародження російської державності.

Ключові слова: Русь, Русь-Україна, Російська Федерація, російська державність, світ-системний аналіз, міні-системи, світ-імперії, світ-економіка, норманісти, антинорманісти.

5 марта 2011 г. в Российской Федерации был опубликован Указ Президента от 3 марта 2011 г. № 267 “О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности”. В нем значится, что “в целях дальнейшей консолидации российского общества” Президент РФ постановляет принять правительственное предложение “о праздновании в 2012 году 1150-летия зарождения российской государственности”. Выполнение плана основных мероприятий относительно празднования было возложено на соответствующий организационный комитет [1]. Информационными агентствами России было разъяснено, что “в 862 году к власти в Новгороде пришел Рюрик, и именно эта дата традиционно считается “отсчетной точкой” для России” [2]. Главная часть торжеств должна состояться в Великом Новгороде 21–23 сентября 2012 года.

Однако, консенсуса относительно самой даты и ее трактовки среди представителей научной мысли России в полной мере достигнуто не было. Например, Андрей Буровский – автор книги “Отец городов русских” – с позиций русского национализма утверждает, что “колыбелью русской государственности является не Киев, а Новгород”, а потому призывал россиян “вернуться к истокам и осознать себя наследниками не только Московского княжества, но и Новгородской республики” [3]. То есть – преемственность должна идти по линии: Великий Новгород – Москва. А Киев в этом измерении остается где-то на обочине.

В то же время руководитель Староладожской археологической экспедиции Анатолий Кирпичников придерживается, судя по всему, имперской трактовки исторических событий. Роль Рюрика, по его мнению, заключается в том, что “он основал первую на Руси династию, продержавшуюся на троне до конца XVI в. Государство, основанное Рюриком, называлось в разные века по-разному: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, СССР, Российская Федерация. Но существовало оно непрерывно, несмотря на вражеские нашествия, бедствия, смуты и революции” [4].

Как же отреагировала общественность Украины на юбилейные инициативы России? Известный публицист Игорь Лосев с удивлением спрашивал: “Это выходит, что в 862 году от рождения Христа уже была Россия”? И дальше: “А кто у нас ответит на этот “мягкий”, но весьма опасный вызов? А где же наша разьединенная национальная интеллигенция, которая вечно грызется и развлекается “постмодернизмом”?” [5].

Следует отдать должное – публицистическими выступлениями, чаще всего в газете “День”, на провозглашение юбилея российского государства отозвался целый ряд украинских ученых (А. Свидзинский, М. Жуйкова, В. Степанков, П. Кралюк, О. Палий и др.). А дальше поступили и практические предложения. По свидетельству доктора философских наук, профессора Национального университета “Острожская академия” Петра Кралюка, “1 сентября в Острожскую академию приехал академик Николай Жулинский. Вот мы втроем:

Николай Жулинский, ректор Игорь Пасичнык и я рассуждали о том, что, возможно, у нас тоже отыщется юбилей, который стоит отметить. В “Повести временных лет” четко написано, что в 852 году наша земля начала называться руськой. А руськая – не значит русская. До XIX века Русью называли украинские пределы. Поэтому Острожская академия выступила с инициативой достойно отметить 1160-летие украинской государственности. Можно говорить также о 1160 годах украинской историографии, украинской литературы. Ошибочно считать, что отечественная литература началась с “Энеиды” Ивана Котляревского. Просто, о ее давнем периоде мало знают” [6, с. 6].

Хочу особо отметить: юбилейные инициативы России послужили лишь одним из факторов пристального внимания украинских ученых к вопросу национальной идентичности Украины. И свидетельство тому – многочисленные публикации на тему нашего исторического прошлого, как в научных изданиях, так и в прессе. Наиболее наглядный пример – выход под общей редакцией Ларисы Ившиной монументального сборника под названием “Сила мягкого знака, или Возвращение Руськой правды” [7]. Главный пафос последнего издания, на мой взгляд, как раз и заключается в том, чтобы поместить осмысление идентичности Украины в плоскость ее исторической протяженности – Руси-Украины. Вторая особенность – выйти за рамки сугубо политической истории и осуществить анализ феномена наращивания в среде украинского демоса (не этноса – и это принципиально!) системы тех соционормативных ценностей, которые удостоверяют нашу европейскость.

Поскольку эта тема неисчерпаема, можно предложить еще одну версию происхождения Руси-Украины, опираясь на наработки близких мне по духу и методологии исследования представителей общественных наук.

В поисках исторической истины

Почему опять актуализировалась проблема происхождения Руси-Украины? Неужели ученые нашли какие-то новые летописи или принципиально отличные архивные документы? Совсем нет. В первую очередь, изменилось наше миропонимание, а также появились новые вопросы, на которые следовало найти ответы в контексте современных реалий. Ведь известно, что исторические источники могут дать ответы лишь на те вопросы, которые мы к ним ставим. Поэтому, не претендуя на оригинальность, но следуя логике изложения материала, следовало бы напомнить некоторые эпизоды нелегкого пути научного познания.

Переломные времена в истории, которые часто выливаются в своеобразную “социальную смуту”, порождают как отчаяние, так и поиски перспективы – “света в конце тоннеля”. На протяжении веков эту функцию пытались выполнять церковники, которые претендовали на единоверный и всеобъемлющий способ познания истины и утверждения веры в приближение “царства Божьего” гармонии и социальной справедливости. Правда, в новые времена светские философы (Декарт, Спиноза) бросили вызов теологии и попробовали отделить поиск знания от деятельности основных церковных структур. Результаты на первых порах были неоднозначны. Когда вначале XIX в. Лаплас поднес в подарок Наполеону свою книгу о Солнечной системе, тот заметил, что автор книги ни разу не вспомнил в ней о Боге. Лаплас ответил: “У меня не было потребности в этой гипотезе, сир”. Тем не менее, следует констатировать, что до конца XVIII в. философское понимание часто было таким же произвольным источником знаний, как и божественное откровение.

В XIX в. кризис познания даже вылился в “развод” науки с философией – сторонники “эмпирической науки” отказались признавать себя философами. Соответственно в университетах факультеты философии разделились на два отделения – факультеты “естественных наук” и факультеты “гуманитарные”. Первые отдавали предпочтение экспериментальным исследованиям, вторые – полагались на интуитивное проникновение в сущность вещей, на их интерпретационное понимание. В итоге подобное распределение знаний создало серьезную преграду между поисками Истины, с одной стороны, и поисками Добра и Красоты – с другой.

Впоследствии выделяются так называемые “общественные науки”, а среди них и история, где одни исследователи склонялись к позитивистскому анализу, а другие – к гуманитарным методам. В целом историки пытались уклониться от формулировки обобщений или исторических закономерностей, акцентировали внимание на самобытности “человеческого фактора”, что, в конце концов, и определило их место среди гуманитарных наук. Кроме того, европейские историки XIX в. по большей части отдавали предпочтение исследованиям истории собственных стран, так называемых “исторических наций”, жизнедеятельность которых была достаточно документированной.

Поскольку историки ограничивались исследованием прошлого, они мало что могли сказать о текущих проблемах, с которыми сталкивались их государства. Политические же лидеры нуждались во все большей информации о современности. Как следствие, в русле идеологии либерализма в общественном сознании восторжествовало разделение общества на три социальных сферы: рынок, государство и гражданское общество. Для их изучения появилась нужда в проработке методологии, которая в наибольшей мере отвечала бы каждой сфере.

В итоге рынок стали исследовать экономисты, государство – политологи, а гражданское общество – социологи. Ученые пришли к выводу, что и рынок, и государство, и гражданское общество живут согласно определенным объективным законам, которые можно вывести путем эмпирического анализа. Но здесь опять появилась проблема: как получить “объективное” знание об обществе в целом, а не какой-то отдельной из упомянутых сфер. Историки, которые выходили из постулата об уникальности социальных явлений, здесь мало чем могли помочь.

Кроме того, появились и другие проблемы: выяснилось, что мир состоял не только из “исторических народов” старой Европы и так называемых примитивных “неисторических народов”, к которым в XIX ст. относили и ряд бездержавных народов Восточной Европы, в том числе и украинцев. Кроме них существовали также так называемые “высокие цивилизации” – например, Китай, Индия, Персия, Арабский мир. Все эти большие цивилизации в прошлом, а некоторые и для современников, были бюрократическими империями: они охватывали громадные территории, а потому были вынуждены вводить в общественную жизнь общий язык, общую религию и во многом общие обычаи. Поэтому назвать жителей этих империй “примитивными” даже согласно европейским представлениям XIX в. было невозможно. Следовательно, опять возникло новое направление в науке – востоковедение. Дальнейшее изучение народов Африки дало толчок к образованию еще одной группы исследователей – антропологов-этнографов. В итоге, к 1914 г. создалась фрагментарная научная структура. Она продолжала существовать до 1945 г., а во многих своих проявлениях сохранилась вплоть до 1960-х гг. Мир в описании этих исследователей распадался на отдельные осколки, а попытки философского осмысления мира в его целостности все чаще воплощались под воздействием трагедий XX в. (мировые войны, Холокост, Голодомор, ГУЛАГ) в сюжетах об иллюзорности общественного прогресса как такового.

Образование “социалистического лагеря”, самоопределение стран третьего мира, потрясения основ капиталистических ценностей во время студенческой революции в 1968 г., – все это затрагивало вопросы, на которые не могли дать ответа ни востоковеды, ни антропологи-этнографы, ни политологи. Неразбериха в научных кругах нарушила традиционные устои общественных наук. Дошло до того, что был поставлен вопрос о научной истине как таковой. В итоге состоялся целый ряд научных дискуссий, которые привели к фундаментальным сдвигам. Во-первых, появилась проблема: является ли целесообразным отслеживать социальное развитие отдельно взятой страны, и не лучше ли взять за единицу анализа более обширную территорию, в пределах которой происходило разделение труда (например – регион Средиземноморья, или Балто-Черноморский ареал). Во-вторых, под сомнение был поставлен вопрос о вневременных “вечных истинах” – было предложено учитывать “структурное время” существования определенной системы, а также цикличность

процессов в ее пределах. В-третьих, французская школа “Анналов” призвала создать комплексную картину исторического развития, принимая во внимание все социальные сферы, то есть – быть “тотальной”. В итоге, историкам отныне следовало принимать во внимание результаты общественных наук – экономики, политологии и социологии, а представителям этих наук желательно быть более “историческими”.

Путь к мир-системному анализу

Следовательно, выход из кризиса стал видеться в создании единственной синтезированной исторической общественной науки – мир-системного анализа (иногда переводят как “миросистемного”). Это научное направление начала 1970-х годов связано с именем Эммануила Валлерстайна [8, с. 247]. Его принципы, к сожалению, пока что поддерживает в современном мире меньшинство, даже оппозиционное меньшинство. Иногда мир-системный анализ хвалят, чаще на него нападают, искривляют и переименовывают. И не всегда оппоненты новой методологии являются враждебно настроенными, а часто просто плохо ознакомленными или консервативно настроенными. Не в последнюю очередь мир-системный анализ отторгается еще и потому, что его аналитика является своеобразным отражением реального протеста против угрожающей социальной несправедливости и неравномерности развития регионов современного мира, что и является основным политическим вопросом нашего времени.

Тем не менее, в 1970-е гг. о мир-системном анализе впервые заговорили серьезно. Новая единица анализа вместо национального государства была названа “мир-системой”. Считается, что она существовала в трех ипостасях: мини-системы первобытных обществ, мир-империи времен феодализма и мир-экономика времен капитализма. То есть, речь здесь идет не о мировых (всемирных) системах, экономиках, империях и тому подобное, а о системах, которые сами по себе являются миром, хотя обычно – и даже, как правило, они не охватывают весь мир.

Именно этот пункт, по нашему мнению, и должен быть отправным при анализе происхождения Руси – как своеобразной мир-системы, которая представляла собой определенное территориально-временное пространство. Оно охватывало огромное количество политических и культурных единиц, но в то же время было единым организмом, вся деятельность которого была подчинена определенным системным правилам. Поэтому в изложении истории Руси было бы уместно взять за исходное положение венгерского (позже – английского) исследователя Карла Поланьи о трех формах экономической организации сообщества: взаимность в мини-системах первобытного общества (“ты – мне, а я – тебе”), перераспределение в феодальной миро-империи (когда товары поступают снизу вверх, а потом частично приходят вниз), и, наконец, рынок в условиях мир-экономики капитализма (когда обмен приобретает монетарную форму и происходит на общественных площадках).

Основной вывод, к которому приходит Эммануил Валлерстайн и ученики его школы, заключается в том, что “национальные государства не могут быть самостоятельной и самооценной единицей изучения, что бы нам ни приписывали – ни национальная гордость, ни министерства науки. Как в астрономии объект исследования в принципе один – Вселенная, так и в социальной исторической науке единицей исследования должна быть вся мир-система. Лишь в рамках мир-системы возникают и могут плодотворно исследоваться две основные институциональные опоры современности – государства и рынки” [8, с. 29].

Мир-системный анализ – концепция повествовательная. Ее сторонники придерживаются той точки зрения, что все формы исследовательской деятельности должны использовать сказание (нарратив). Другое дело, что одни нарративы отражают собой действительность лучше, другие – хуже. Придерживаясь принципов тотальной истории и единой дисциплинарного подхода, сторонники мир-системного анализа стремятся разрушить жесткие границы между экономическими, политологическими и социально-культурными исследовательскими методиками.

Понятно, каждый нарратив нуждается в своем главном действующем лице. У позитивистов все вертелось вокруг индивидуума, личности. Для классиков марксизма

главным героем был пролетарий, а для историков-государственников – политик. Но для мир-системного анализа все эти действующие лица, а также многочисленные социальные структуры – лишь звенья одной цепи. Они рассматриваются не как базовые элементарные частицы, а как составные части системной амальгамы (смеси), из которой они вышли и сообразно которой они действуют. Действующие лица свободны в своих поступках, но они остаются частью общего, поскольку их свободу действий сковывают биографические и социальные барьеры.

Еще одно важное обстоятельство для анализа происхождения Руси. Для сторонников мир-системного анализа время и пространство, а скорее Время-Пространство, не является какой-то внешней неизменной данностью (какая всегда была, есть и будет), в рамках которой существует социальная реальность. Время-Пространство создается и постоянно изменяется, а социум является “пульсирующим организмом”, который в процессе эволюции то сжимается, то расширяется. Он не изменяется на протяжении длительного времени, и в то же время изменяется ежеминутно. Это, конечно, парадокс, но не противоречие. Поэтому основное задание исторической социальной науки – научиться справляться с этим парадоксом.

Антинорманизм как диагноз

Каковым же является основной нарратив Руси, и кто занимает центральное место среди главных героев этого повествования? Придумывать здесь что-то новое нет необходимости: трижды на протяжении трех последних веков в России загорался с новой силой спор норманистов с антинорманистами вокруг проблемы варягов: в XVIII в. (борьба Г. Миллера против М. Ломоносова в Академии Наук); в XIX в. (публичная дискуссия М. Погодина и Н. Костомарова в Петербургском университете); а с 1965 г. полемика Л. Клейна и И. Шаскольского. Речь шла о той роли, которую сыграли варяги (норманны) в становлении Руси.

Здесь я бы сослался на авторитетное суждение академика четырех академий (американской, турецкой, финской и украинской) Омельяна Прицака, которого считаю своим наставником на пути историософских исследований и светлую память которого хотел бы почтить, представив в этой публикации хотя бы в тезисном изложении его виденье происхождения Руси (любопытного читателя отсылаем к его книге объемом более чем в тысячу страниц под названием “Походження Русі”, которая вышла в Киеве в 1997 г.) [9].

По оценке О. Прицака, “двухсотлетнее норманистско-антинорманистское противостояние оказалось бессильным в решении проблемы происхождения Руси”. Это мнение покойного академика перекликается с суждениями последнего “возмутителя спокойствия” вокруг проблемы норманнов Л. Клейна, который считает, что никакой норманнской теории или хотя бы научной концепции вообще не существует, просто есть “гипотезы об этнической идентификации варягов, в той или другой мере участия скандинавов в древней истории нашей страны”. Что же касается антинорманизма, то он не представлен ни в одной стране мира, кроме России, хотя завоевания скандинавов были по всей Европе и даже за ее пределами. В России же, по оценке Л. Клейна, “это не научное течение, а идеологическая тенденция, которая внедряется в науку из соображений, которые представлены как патриотические. Это характерный именно для нашего народа комплекс национальной неполноценности, корни которого следует искать в современной ситуации”. Не хотелось бы ступать на скользкое для украинцев поле относительно комментирования российских комплексов. Поэтому отвлечемся от “современной ситуации” в России и просто примем во внимание мнение Л. Клейна на счет того, что “не все гипотезы в случае подтверждения становятся теориями, многие из них становятся не теориями, а фактами. Спор идет о фактах” [10].

Поэтому речь пойдет о некоторых фактах в изложении Омельяна Прицака. В первую очередь о термине “Русь” и его “национальном” наполнении. Действительно, под 839 г. в “Бертинских анналах” упоминается правитель политической организации, названной термином “Рос” (Rhos – визант). Арабский автор Ибн-Хордадбег, который исследовал

торговые пути в Евразии, также сообщает, что существуют две международных компании – иудейские Раданиты, контролировавшие пути в Хазарию, а также неиудейские Рус (Rus), контролировавшие торговлю на севере Восточной Европы. О. Прицак ставит полностью резонный вопрос: как русы, которые едва вынырнули из безызвестности, могли оказаться такими ловкими международными торговцами, что установили свой контроль в громадном регионе?

Объяснение выдающегося ученого таково. С разделением Средиземного моря между христианами и мусульманами (прим. 660 г.) ни те, ни другие уже не могли свободно путешествовать или вести торговлю по морю, находясь в перманентном состоянии войны. Эту нишу заполнили бывшие римские граждане иудейской веры, которые имели возможность безопасно плавать от Марселя вплоть до Хазарии. Между тем, их неиудейские торговые конкуренты (фризы в сотрудничестве со скандинавскими вождями) попробовали найти пути к Евразии в обход – через Балтийское море. Они образовали своеобразное общество морских кочевников и в конце IX в. выступали как викинги. В это же время балтийскими вендами, которых соседи впоследствии стали называть кривичами, были колонизированы определенные территории на востоке и основаны два важных торговых поселения – Полоцк и Смоленск. Со временем эти и другие поселения превратились в города-государства, которые стали приглашать к руководству опытных торговых и военных “менеджеров” – членов балтийских харизматических кланов. Одним из объединений городов была конфедерация Старой Ладogi, Белоозера и Изборска. Каждый город представлял свою этническую группу: Старая Ладога – эстов; Белоозеро – вепсов (весь); Изборск – славянских вендов. В середине IX ст. они “пригласили на правление” – то есть признали власть – фризско-датского короля Рерика (Рюрика).

А теперь о самом главном – об этническом факторе в процессе зарождения государственности Русь, возглавляемой представителями торгового общества Rus. Позиция О. Прицака по этому вопросу таково: “Общества Балтийского региона, которые теперь развивались, конечно же, не составляли национальную культуру в современном понимании. Даны, фризы и русы были полиэтнической, многоязыковой, безтерриториальной общностью морских кочевников и жителей отчасти “восточных”, а кое-где полисных городов и торговых поселений. Русы и фризы выступали международными торговцами, что подтверждает теорию о создании рынка как экономической организации именно торговцами, а не крестьянами или ремесленниками” [9, с. 95]. Две последних страты, как представители общества “низшей” культуры, еще не знали литературы или сакральных текстов – основу культуры более “высокой”. На то время не была четко очерчена и территория владений Русов.

Этнический фактор идет рука об руку с фактором языковым. Непрерывность письменной традиции присуща оседлой империи. Язык письма набирал сакральный характер “национальной” преемственности, то есть оседлой культуры. Здесь смена династий не разрушала языкового единства. И наоборот – кочевая империя часто меняла не только правящий клан (династию), и самоназвание и официальный язык. Кочевая империя и не ставила своей задачей обеспечение непрерывности “национальной культуры”, а, в первую очередь, стремилась к неограниченной власти дружины молодых воинов, нацеленных на получение экономической прибыли. Сбрасывая один харизматичный правящий клан, кочевники отбрасывали и язык этого клана.

Международные кочующие торговцы часто кооперировались с удачливыми местными племенными вождями, помогая им внедрять прогрессивное правление. Например, торговцы помогали объединить различные местные страты населения для создания патримониального государства. В течение средневековья, пишет О. Прицак, “города и государства степей Евразии, так же как и Балтийского региона, были основаны не местным населением, а иностранными международными купцами”; вместе с тем бессмысленно пытаться определить “национальность” викингов и варягов: “Они ее не имели. Это были просто профессионалы,

готовые стать на службу к любому, кто нуждался в их умении и кто мог платить за работу” [9, с. 86, 90].

В городских торговых поселениях пользовались несколькими языками в зависимости от функций. На местном языке общались семьи или роды, а два или больше *linguae francae* служили для профессионального потребления. Следовательно, делает вывод О. Прицак, применительно к Руси “говорить о шведской национальной культуре IX–X вв. нет смысла. В балтийской общности все ее составляющие элементы – норманны, веныды (славяне), балты и финны – были равнозначными... Стало обычаем (известным через Рюриковичей) иметь два или больше имен, в соответствии с профессиональными или супружескими связями” [9, с. 96].

Русь как мир-империя

Если подходить к делу формально, то первые свидетельства о Русском каганате, по свидетельству О. Прицака, появляются в 839 г. Именно в это время в Хазарии произошла революция каваров (части хазарских племен). Дело в том, что во главе государства в Хазарии формально находился каган, сакральный правитель. Реальная же власть была в руках его заместителя (бега), стоявшего во главе войска и ведавшего сбором налогов. Случилось так, что в ходе верхушечной борьбы каган и его союзники выступили под лозунгом противодействия навязыванию иудаизма. Потерпев поражение, каган вынужден был покинуть страну и искать прибежища в поселении торгового общества русов возле Ростова. Его сыновья взяли себе в жены девушек из клана Инглингов из Упсалы – самой выдающейся династии всей балтийской зоны. Харизма кагана как наделенного божьей благодатью поднесла торговое общество русов до уровня государственного политического центра в верхнем Поволжье, выделив его среди колоний других менее значительных “варягов”. Титул кагана в те времена был большим социальным капиталом, обеспечивавшим надлежащий уровень отношений с Византией. Для торговых людей это много значило, а поэтому волжские русы скоро вытеснили иудейских купцов Раданитов как конкурента из Восточной Европы.

Можно ли эту дату – 839 г. – считать точкой отсчета основания Руси? И да, и нет. Как говорится, одна ласточка весны не делает. В политике мало провозгласить суверенитет – нужно, чтобы этот суверенитет был подкреплён должным экономическим, военным и культурным потенциалом, с одной стороны, и политическим признанием – со стороны соседних государств. В 860 г. состоялся поход русов на экономическую столицу Евразии Константинополь, благодаря которому был проторен путь “из варяг в греки”. Следовательно, Днепр заменил Волгу в качестве главной торговой артерии, а Киев, прежнее хазарское укрепление близ днепровской переправы, превратился в середине X в. в перспективного спутника Константинополя.

Обобщая этот долгий путь становления Руси, О. Прицак выделяет в нем три фазы: волжский период (прим. 839–930 гг.), днепровский (прим. 930–1036 гг.) и киевский (1036–1169 гг.). Киевская фаза отличается от двух первых принципиально: в течение двух первых русы владели преимущественно торговыми путями и племенами, но не территориями. В случае необходимости они уничтожали соперников, собирали дань и контролировали торжища вдоль двух основных международных путей: волго-донского до Булгарии и Итиля; и днепровского – из варяг через Киев и до греческого Константинополя. И только третий, киевский период имеет в нашем контексте принципиальное отличие – он знаменовал собой начало культурной консолидации Руси и попытку ее “национализации”.

В этой третьей фазе на Руси происходят действительно тектонические сдвиги. Во-первых, Новгород стал значительнее Старой Ладogi, которая по языку и культуре оставалась исключительно скандинавской вплоть до своего упадка в середине XI ст., в то время как Новгород с самого начала был двуязычным. Новгородцы как преимущественно потомки балтийских славян вендов выполнили уникальную функцию, приспособив концепцию “варварского” закона викингов к славянской политической культуре. “Руська Правда” – первый свод законов в Восточной Европе – происходит именно из Новгорода, единственного

места на Руси, где понятие закона было общепризнанным, приемлемым и понятным вплоть до драматической гибели республики “Господин Великий Новгород” в 1479 г. Во-вторых, в 1036 г. Ярослав, который окончательно взял власть в Киеве, разгромил печенегов и утвердил свой вариант Римской империи, идеологическим центром которой стал Софийский собор в Киеве, а основой – система новгородских законов. Это подтолкнуло его к введению в качестве сакрального (священного благодаря миссии Кирилла и Мефодия) и законного языка его владений именно церковнославянского, который после упадка Дунайской Болгарии потерял своего владельца на государственном уровне.

В-третьих, Ярослав начал превращать Русь в территориальную общность путем поселения княжеской странствовавшей дружины на киевской, черниговской и переяславской землях. Как результат таких действий названия “Русь” и “Руська земля”, что засвидетельствованы во второй половине XI в. и бытовали в XII в., стали употребляться теперь в новом значении, а именно исключительно относительно Южной Руси (нынешняя Украина). До этой поры “Русь” представляла собой иностранную правящую верхушку с примитивной социально-политической организацией, составленной из морских и речных кочевников, которые периодически собирали дань (полюдье) для своих князей, однако не были стабильно связаны ни с какой конкретной территорией.

Действительно, “культурная революция” Ярослава Мудрого повлекла качественно новый прыжок – от полиэтнического, многоязыкового и безтерриториального сообщества с культурой “низшего” уровня к “высшей” культуре, освященной сакральным славянским языком. Упадок независимого болгарского государства оставил церковь и славянский обряд, с его относительно цельным сводом духовных и государственно-политических текстов, без хозяина. Следовательно, именно это дало возможность “Русьской земле” завладеть этой культурой без угрозы потери собственной самобытности. Обнародование в 1115 г. сводных редакций летописей, составленных в первом духовном центре Восточной Европы – Киево-Печерском монастыре – стало своеобразным актом демонстрации “общности исторической судьбы”. Вывод О. Прицака относительно происхождения Руси однозначен: “Именно тогда, во время Киевского периода, с появлением собственного исторического самосознания и начала появляться Русь как законная историческая сущность” [9, с. 101].

Монополия на наследство?

Отмеченное выше изложение происхождения Руси представляет собой научную точку зрения, в которой господствует гегелевская традиция: когда какой-то общественный феномен, как вот система государственной власти, лишь возникает, то ее еще практически нет. Формирование системы, а тем более такой мир-системы как Киевская Русь – восточноевропейский аналог Древнему Риму или Византии – действительно длительный в истории период.

Когда же сегодня на государственном уровне ставится вопрос о праздновании той или другой конкретной даты учреждения Руси, то здесь аргументы ученых на подобие “с одной стороны, так, но, с другой стороны – вон как” не проходят. Как правило, с учетом исторического фона на государственном уровне административно берутся к исполнению определенные волевые решения, которые преследуют какую-то политическую целесообразность. Так было всегда, и, судя по всему, не скоро эта традиция прервется. Во всяком случае, в Российской Федерации такое решение на государственном уровне уже принято.

Следует полагать, что и в Украине на практическом уровне дискуссия о происхождении Руси будет длиться на перекрестке научной мысли и политической целесообразности. Но не факт, что в итоге будет обязательно принято какое-то решение на государственном уровне – обсуждение может ограничиться какой-то информационной волной в СМИ или рядом научных публикаций. Но все-таки политический фактор будет играть определяющую роль. И потому главное здесь – не допустить отхода от определенного уровня политкорректности и научной взвешенности. Например, рассмотрение вопроса в плоскости определения “старшего брата”, который, мол, имеет больше основания на родительское наследство Руси,

к добру не приведет – какой бы народ не выставляли в роли этого правопреемника. Трудно себе представить спор между итальянцами, испанцами, французами, немцами и англичанами о том, кто же из них является истинным и единственным наследником такой мир-империи, как Древний Рим. Конечно, в Муссолини на этот счет сомнений не возникало. И об этом следовало бы кое-кому помнить. Те, кто ставит рассмотрение проблемы в плоскость – “украинской” или “русской” была Русь, акцентируя внимание лишь на этнической стороне этого вопроса, выискивая аргументы в контексте “земли и крови” и тому подобное – становятся, на мой взгляд, в заведомо проигрышную позицию.

Древняя Русь была многоплеменным и многоэтническим территориально-политическим образованием, осуществленным в первую очередь торгово-военизированным политическим классом, что вообще было характерно для раннего средневековья. Например, термин “хазары” употреблялся тоже без этнической окраски как географически-политическое понятие, а затем стал обозначать всех подданных хазарского царя, входивших в хазарский племенной союз. В разные периоды существования хазарской “федерации” в нее входили азовские и волжские булгары, кавказские и донские аланы, волжские буртасы, заволжские гузы, крымские готы, кавказские горцы, хорезмийские иранцы-аорсы, мадьяры-венгры, славяне и русы. Хазарский язык, судя по всему, был родственным древнебулгарскому – предку нынешнего чувашского языка. При этом языком еврейско-хазарских купцов был славянский [11]. Киевская Русь во многом стала преемником Хазарского каганата, когда, по словам Прицака, “многоязычные купеческие предприятия и торговые сообщества, а также морские кочевники, приспособили к своим потребностям политическую структуру и харизму степных империй, чтобы превратить это на христианскую славяноязычную высокую культуру, с которой и возвысилась Русь” [9, с. 101].

Однако, принимая как данность приоритетность политических соображений над научными, не следует удивляться, что при анализе технологии “юбилейных инициатив” в Российской Федерации проблема научного обоснования юбилейной даты волновала некоторых инициаторов юбилея менее всего. Как следует из сообщений российских СМИ, 18 сентября в 2009 г., во время юбилейных торжеств 1150-летия Великого Новгорода известный кинорежиссер Никита Михалков выступил с инициативой отметить 1150-летие **“образования государства”**. Заодно он заметил, что “надо прибраться в стране, поскольку мы живем в ужасающей грязи” [12]. Инициатива была услышана и, как сообщали российские информационные агентства, Президент России Дмитрий Медведев пришел к мнению о необходимости “отметить в 2012 году 1150-летие **возникновения** российского государства” [13].

Между тем, с юбилейными датами как-то сразу не сладилось. Великий Новгород оказался тем “местом преткновения”, где, за Гоголем, с самого начала “никак не вытанцовывалось”. В первую очередь, среди ученых возник ряд вопросов вокруг самого юбилея Великого Новгорода, поскольку юбилейная дата города оказалась “тайной за семью печатями” – ее мотивация не была обозначена на официальном сайте. Аналитики предположили, что поскольку первое упоминание о приходе Рюрика датировано 862 годом, то для того, чтобы ему “было куда прийти”, инициаторы юбилея отступили немного на 3 года назад и самовольно “назначили” дату основания города Новгорода 859 годом. А между тем археологические находки XX ст. позволили датировать время основания Новгорода не раньше конца IX ст., то есть – несколькими десятилетиями позже после прихода Рюрика. Например, тот же Анатолий Кирпичников утверждает, что именно Старая Ладога (в настоящее время сельский поселок) стала “первой столицей древнего государства Русь, затем столица была перенесена в поселение вблизи нынешнего Новгорода, известного по летописям под скандинавским названием Хольмгард, а сейчас как Рюриково городище. Новгорода в тот период еще не существовало” [14].

Впрочем, к замечаниям нынешних ученых немногие прислушивались. Как следует из СМИ, губернатор Новгородской области Сергей Митин открыл слушание докладом “Новгородская земля – историческая колыбель российской государственности”, апеллируя к

историкам прошлого (Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского и Погодина), которые “считали 862 год датой зарождения русской государственности”. А к тому же, заметил губернатор, в XIX столетии эта дата заслужила большое уважение со стороны российской общественности и власти: “В частности, указом императора Николая I (наверное, Александра II? – В.Т.) 862-му году был придан официальный статус “начального события русской государственности”. Указ был принят к исполнению Министерством народного просвещения, и несколько поколений россиян с детства усвоили летописную версию образования своего государства” [15]. То есть, губернатор сообщил собравшимся, что был исторический прецедент, а потому никто традиции менять не будет. Что могли сказать нынешние историки против такой аргументации?

В итоге – “процесс пошел”. В начале 2011 г. лидер ЛДПР Владимир Жириновский выступил с инициативой сделать Великий Новгород центром празднования 1150-летия России. В российских СМИ появилась информация, что основными центрами празднования в 2012 г. будут Москва, Киев и Великий Новгород. Кроме этих трех городов, где должны состояться главные мероприятия, должны участвовать еще и Изборск (Псковская область), Белоозеро (Вологодская область) и Ростов Великий (Ярославская область). На празднование 1150-летия Великого Новгорода правительством России было выделено финансирование в объеме 5 млрд рублей. Сколько будет выделено на торжества в 2012 г. – пока что нам такая информация не встречалась [16]. Да и негоже считать чужие деньги.

Привлечение Киева

Тем временем, в полный рост стала проблема привлечения к праздничным торжествам Украины. Понятная вещь, инициатива должна была бы исходить якобы от общественности. Следовательно, в Украине были отобилизованы контрагенты, которые, судя по всему, специализируются на пропаганде идей “Русского мира”: Европейский институт политической культуры (Киев), Информационное агентство “ИнфоРос”, Информационное агентство “РБК – Украина”, Институт Русского зарубежья (Москва) и портал Forum-ua.com. Как сообщалось в СМИ, 12 ноября 2010 года они организовали так называемые общественные слушания, на которые были приглашены видные представители украинской власти и оппозиции, ученые, эксперты, представители политических партий и общественных организаций, зарубежные дипломаты, эксперты и журналисты. Кто из приглашенных присутствовал – покрыто тайной, потому что в Интернете были представлены лишь выступления двух-трех участников с глубокими размышлениями на тему: “Вот я родился в Украине, или Беларуси, но работаю в настоящее время в Москве, а потому мне трудно идентифицировать себя – кем же в действительности я являюсь”.

Впрочем, идеологию вышеназванного собрания озвучил директор Института Русского зарубежья Сергей Пантелеев. В кратком изложении ее можно возвести к ряду тезисов: выходцы из Украины всегда традиционно были “империостроительным” элементом и в Российской империи, и в Советском Союзе; ведущие русские геополитические концепции, в частности “евразийство”, часто создавались этническими украинцами (П. Савицкий, П. Сувчинский, Г. Вернадский и другие); в настоящее время Украина могла бы выступить в качестве “связующего элемента” в налаживании российско-белорусских отношений. Стало быть, сформировался и социальный запрос на Украину. Подчеркивалась историческая, духовная и культурная роль Киева как традиционного центра “Русского мира”. Ссылаясь на концепцию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Сергей Пантелеев высказал убеждение в том, что в российском обществе есть спрос на интеграционные инициативы со стороны Киева, которые соответствовали бы его статусу “матери городов русских” и “колыбели русского православия”. В итоге С. Пантелеев выступил с инициативой созыва так называемого Гражданского форума Украины, России и Беларуси “как инструмента общественной дипломатии, способствующего гармонизации отношений между нашими государствами” [17].

Акцентируя на том, что в настоящее время в Украине постепенно рассеиваются евроиллюзии, участники этих общественных слушаний настоятельнее призывали

“руководство Украины, ее внешнеполитическое ведомство оперативно и прагматично создать долгосрочный, выгодный и патриотичный, исходящий из глубинных интересов украинского общества, стратегический, геополитический восточный проект. И в первую очередь – на развитие отношений с Российской Федерацией и Беларусью” [18].

Второе дыхание это собрание получило 21 апреля в 2011 г. в Москве в Центральном доме журналиста, где состоялся международный круглый стол, “посвященный проблемам подготовки празднования в 2012 году 1150-летия образования Древнерусского государства”. Своеобразным был и контингент этого собрания – “общественные деятели, ученые, представители официальных структур трех стран, специализирующиеся на работе с соотечественниками”. Характер и устремление выступлений опять определил тот же С. Пантелеев, который, собственно, повторил все тезисы, озвученные перед тем в Киеве.

Вместе с тем, учитывая момент 1150-летия, он несколько изменил общественно-политический акцент своего выступления в сторону его якобы научной составляющей: “Здесь есть аспект исторический и общественный. Причем первый – определяющий”. Содержание этого “научного аспекта”, по словам научного эксперта собрания из Института славяноведения Олега Неменского, заключается в том, что “исторически мы являемся участниками единого государственного проекта и единой страны. Мы все вместе – это и есть Русь. Таково наше общее легендарное начало, записанное в Киеве, и не потерявшее своей актуальности и по этот день. Эта дата – росток нашего самосознания” [19].

Резолюция круглого стола тоже не отличалась оригинальностью: участники “призывали президентов Украины и Беларуси поддержать идею проведения торжественных мероприятий во всех странах-наследницах Древнерусского государства”. Инициаторы данной идеи обратились также к главам государств России, Украины и Беларуси с предложением провести неформальный саммит, приуроченный к знаменательному юбилею. Отмечалось, что планируется разработка международной общественной программы праздничных торжеств, а также формирование соответствующего координационного совета. Изюминка круглого стола заключалась в заявлении, что “данное мероприятие – первая ступень по реализации еще одной масштабной идеи: создания Гражданского форума России, Украины и Беларуси”. Вопрос в том, кто и из каких источников будет финансировать все эти форумы и программы, скромно замалчивался [20].

Идеологи “Русского мира” и не скрывают своей стратегической нацеленности различных юбилейных торжеств: “Древняя Русь вполне может стать новым интеграционным центром, объединившим не только славянские земли и народы, но и соседей, как это уже было в период Российской империи и СССР” [21]. В плане тактическом они рекомендуют “раскручивать” по отношению к Украине и Беларуси идею об общем культурном пространстве, которое, дескать, уже существует де-факто, а впоследствии может стать и общим информационным пространством. Главное – добиться взаимодействия с профильными парламентскими комитетами восточнославянских стран и проведения неформального саммита трех глав государств.

И надо сказать – есть определенные подвижки. Участие в юбилее 1150-летия зарождения русской государственности мыслится в определенных кругах Украины в виде 1150-летия основания Киевской Митрополии и первого крещения Руси во времена князя Аскольда. На этот счет в Верховной Раде Украины уже зарегистрирован соответствующий проект постановления (№ 9597) о праздновании в 2012 году этого юбилея на государственном уровне. О праздновании заявили православные иерархи, как Московского Патриархата, так и Киевского. Мало кого волнует, что достоверных свидетельств такого крещения нет, а современная историческая наука относит дату основания Киевской Митрополии ко времени введения христианства в Киевской Руси Владимиром Святославовичем лишь к 988 году. В обосновании церковных деятелей довольно обтекаемо говорится, что где-то “в 860-х годах, то есть около 1150 лет назад, произошло крещение князя Аскольда и части русов, а также создание для Руси отдельной митрополии”. И вот это расплывчатое “около”, или “862 год – наиболее вероятная дата” служат в роли отправной

точкой юбилея митрополии конкретно в 2012 году [22]. То есть – как раз ко времени празднования 1150-летия зарождения российской государственности. Я не берусь определять мотивацию действий тех или иных церковных иерархов – Бог им судья. Тем не менее, в этом эпизоде политизация православных церквей налицо.

Точки над “і”

Все эти, с позволения сказать, общественные инициативы, создавали лишь отдаленный фон для события действительно значимого. 22 июня в 2011 г. в старинном городе Владимире Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев провел совместное заседание президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию. Оно было посвящено подготовке к празднованию 1150-летия **зарождения** российской государственности в соответствии с Указом № 267. Следует отметить – этой новой редакцией было удостоверено, что на протяжении 2009–2011 гг. произошла эволюция в оценке русской властью юбилейной даты: речь шла уже не об “**образовании**”, и не о “**возникновении**”, а именно о “**зарождении**” российской государственности. И в этом можно видеть определенный сдвиг в общественном сознании России, потому что термин “зарождение” можно трактовать достаточно широко и найти в нем рациональное зерно.

Впрочем, о науке здесь можно говорить достаточно условно. Сам Д. Медведев резонно отметил, что “наука имеет право придерживаться абсолютно разных, диаметрально противоположных точек зрения на самые разные события”. Другое дело, отметил Президент, преподавание истории в школе и университетах, где возникает проблема поиска так называемых консенсусных точек зрения “для того, чтобы наши молодые граждане получили некоторые общие представления о том, как происходило формирование нашей страны” [23]. Действительно, эти суждения являются справедливыми и общепринятыми во всем цивилизованном мире, поскольку воспитание будущего гражданина является задачей не только науки и образования, но и политического истеблишмента того или другого государства, что и видно из выступления Д. Медведева. В конце концов, наука и образование финансируются государством, а, следовательно, отмечает Президент России, “у нас сегодня есть уникальная ситуация, когда мы способны и этот юбилей отпраздновать должным образом, и в то же время дать толчок к развитию исторической науки, археологии и целого комплекса других наук, которые связаны с историей нашего государства. *Но, в конечном счете, это делается для того, чтобы мы получили дополнительные возможности для развития нашего государства*” [23] (курсив наш. – В. Т.).

Следовательно, без всякого предубеждения или низкопоклонства следует признать, что это было выступление государственного деятеля, отстаивающего интересы своего государства в контексте вызовов времени, на которые Россия должна найти ответ с учетом реального соотношения социальных и политических сил внутри страны, а также глобальных тенденций в мире. А потому, как мне кажется, украинцы могут с пониманием отнестись к позиции Президента России. Например, когда он подписывал этот Указ, то долго думал: “надо его подписывать, не надо его подписывать, – и все-таки соображения в пользу празднования этого символического юбилея российской государственности перевесили, потому что это имеет значение *не только и не столько научное, может быть сегодня, сколько абсолютно практическое. А смысл очевиден: консолидация нашей страны, нашего народа в целях дальнейшего развития нашего большого и очень сложного государства*” (курсив наш. – В. Т.) [23].

Другое дело – интересы Украины, которые Дмитрий Медведев абсолютно не обязан отстаивать, о чем он достаточно дипломатично изложил в своем выступлении: “Теперь по поводу наших друзей на Украине, в Белоруссии... Конечно, мы заинтересованы в том, чтобы они с нами все это отпраздновали. Но мы люди вполне разумные и гибкие. Указ, который я подписал, подчеркиваю, это российский указ, а не украинский. Я – Президент Российской Федерации, а не Украины. Он называется “Празднование 1150-летия зарождения российской государственности”, потому что он распространяется на территорию Российской Федерации. Конечно, мы можем рассматривать это событие как центральное звено возникновения

русской государственности, потому что мы понимаем, что это были за события. И в этом смысле такая интерпретация абсолютно не противоречит смыслу этого документа. Пожалуйста, если наши украинские друзья в этом плане готовы с нами соучаствовать в этих процессах, я буду очень рад. Естественно, и на своем уровне я обязательно подниму этот вопрос во взаимоотношениях с Украиной и Белоруссией” [23].

Здесь, как по мне, имеет место определенная сложность для украинца в адекватном восприятии позиции русской стороны. Она заключается в том, что в современных русских текстах отсутствует древнее написание “русьская”, как это характерно для XI в., или же написание “руская”, как это было принято в XV в., но зато употребляется “русская”, когда не совсем ясно, о чем идет речь – о “русских” как “великороссах”, или же о “россиянах” как гражданах России, или, в конце концов, о населении древней Руси. Поэтому и трудно догадаться, о чем говорил директор Института всемирной истории РАН Александр Чубарьян, когда он интерпретировал мнение Д. Медведева таким образом: необходимо рассматривать события времен Рюрика как цивилизационное поле, на котором “сформировалось русское государство”, и “на котором впоследствии зарождались основы для государственности и Украины, и Белоруссии” [23]. Выходит так, что сначала сформировалось “Русское государство”, а уже потом впоследствии закладывались основы государственности Украины и Беларуси.

Здесь приходится лишь руками развести – насколько дипломатично сформулирована позиция Президента Российской Федерации, настолько же банально в трактовке директора Института всемирной истории опять всплыл тот же печально известный феномен “старшего брата”. Если бы в выступлении А. Чубарьяна это положение прозвучало так: “А уже потом впоследствии закладывались основы государственности России, Украины и Беларуси”, то можно было бы зафиксировать факт сдвига в общественном сознании россиян – наконец то они избавились от комплекса “старшего брата”. Но этого “если бы”, увы, не случилось.

Торжество презентизма

Возникает законный вопрос – откуда этот безумный спрос на разнообразные юбилеи и торжества, который часто ставит историков в такое незавидное положение? На этот вопрос пытается дать ответ французский исследователь Франсуа Артог [24]. Он обращает внимание на то, что на фоне глобализации, формирования “мировой экономики” и, одновременно, растущих угроз потерять “мировое культурное достояние”, состоялся настоящий всплеск общего увлечения всем, что связано с памятью о прошлом. Эти общественные потрясения и кризисы последнего времени заострили желание возобновить нарушенную “связь времен”.

Однако мемориальный бум конца XX – начала XXI в. вовсе не свидетельствует, что общество стало пристальнее всматриваться в свое историческое прошлое. Напротив, по мнению Артога, увлечение исторической памятью стало лишь проявлением настоящего диктата современности. В действительности происходит окончательное вытеснения из повестки дня двух типов исторического мышления: 1) того, что проверяет современное прошлым, и 2) того, что проверяет современное будущим. Из этой отправной точки именно день сегодняшней в борьбе за умы людей пытается самоутвердиться, более того – поставить себе на службу и прошлое, и будущее. Этот современный презентизм исходит из того, что современное должно самостоятельно идентифицировать себя независимо ни от своего прошлого, ни от ожидаемого будущего, как это было доньше. Более того, современное призвано к тому же целеустремленно детерминировать как прошлое (что мы должны вспоминать и хранить, а что забыть), так и будущее (что именно мы строим и какую судьбу прокладываем человечеству). В итоге – современное берет на себя ответственность и за прошлое, и за будущее.

Но здесь прячется и своеобразная ловушка: если, по утверждению немецкого исследователя Рейнхарта Козелека, динамика исторического времени создается напряжением, которое возникает между пластом приобретенного опыта и горизонтом ожиданий [25], то презентизм наоборот – самостоятельно формирует для себя комфортное прошлое и определяет себе такое же комфортное будущее, в итоге теряет реальное

ощущение вызова времени и, как следствие, формулирует такой же неадекватный ответ на неадекватное понимание вызова времени. С таким ощущением времени общество может некоторое время уютно существовать, когда для этого накоплены необходимые ресурсы, но такое общество теряет жизненную энергию – тот же потенциал напряженности между прошлым опытом и горизонтом устремлений. Рано или поздно в таком обществе может воцариться психология мироеда: “После нас – хоть потоп”.

Но, как говорится, случилось то, что случилось, и это касается не только нас с нашими юбилейными заботами. Следует констатировать: в последней трети XX века в европейском историческом сознании воцарился презентизм – общество делает предметом культа современность. Конечно, все новое есть хорошо забытым старым. Так и идеи презентизма имеют свои истоки в прошлом – к предшественникам презентизма можно отнести античных эпикурейцев и стоиков. Можно при случае вспомнить и знаменитую фразу Гете из “Фауста” – “Остановись, мгновенье!”. Да и у философии экзистенциализма есть немало элементов презентизма. Но у презентизма конца XX – начала XXI веков есть свой оригинальный профиль. В его основании лежит разочарование во всех иллюзиях и идеалах: там, где не остается веры ни в революционную идею, ни в социалистическое общество, ни в национальное государство, ни в лучшее будущее – наибольшую ценность приобретают лишь богатство, комфорт и соблазнительная мгновенность ощущений. Франсуа Артог перечисляет самые разнообразные виды выявления этого “бытового” презентизма: от мировосприятия безработного (а вместе с тем и беззаботного) клошара к созерцательной психологии состоятельного туриста; от косметических препаратов против ожирения и старения – к самым современным информационным технологиям.

Следует особенно отметить то, что современное в процессе своего “самообожествления” ведет себя крайне агрессивно: ему недостаточно уже быть просто современным, оно стремится заручиться местом в истории, увековечить себя в ней. Политические деятели сознательно выстраивают свою биографию в виде отыскивания последовательных шагов на пути своих “исторических” выступлений и “выдающихся” деяний, а также в выявлении повышенного интереса к собственной родословной (идут активные архивные поиски генеалогии).

Массово нанимаются социологи и политтехнологи, которые выстраивают имидж своего патрона ссылками на всевозможные социологические опросы за определенный период. Разнообразные “юбилейные торжества” – то ли коммерческой фирмы, то ли учебного заведения, или учреждения – становятся ключевым моментом создания имиджа и бренда институции. Что уже говорить о разнообразных государственных торжествах с их фейерверками и шумными парадами, с помощью которых представители правящего класса, которые исповедуют презентизм, пытаются освятить свою собственную современную идентичность.

В звездный час презентизма “память” приобретает все больший удельный вес, оттесняя историю-науку на второй план. Изучение коллективной памяти того или другого региона или какой-то социальной страты презентизм пытается поднять до уровня аналога “истории ментальностей”. Память, которая поставлена на службу презентизму, становится способом осознать и распространить среди широкой общественности свое местечковое понимание духа современности. Разнообразные исторические места и региональные герои конструируются и постоянно реконструируются в соответствии с текущей конъюнктурой, которая вызывает самые разнообразные, порой травматические, реакции со стороны других сегментов общества. В угоду правящему классу переписываются национальные истории, формируются разнообразные национальные символы, массово продуцируются “национальные герои”, которые должны увековечить современный фрагмент из жизни страны и предоставить ему статус события воистину исторического, с надлежащим величием и почестями.

При таких условиях историк теряет ряд функций, которые ему были присущи в прошлом. Он перестает быть своеобразным “обнаженным нервом”, который пытается

нащупать и угадать в прошлом пока что невыразительные черты будущего, перестает быть и посредником между прошлым и будущим. Место историка занимает политтехнолог, который удостоивается права посредничества между современниками, отводя им (из их же разрешения) то или другое место в нынешней общественной иерархии. Этот политтехнолог выбирает одновременно в прошлом лишь то, что отвечает исторической памяти государственных мужей дня сегодняшнего, одновременно пренебрегая тем, что для понимания его вельможных современников потеряло вес и не является актуальным, с их точки зрения, для общественного интереса. В итоге адепты национальной памяти и их соратники рассказывают о том, что государственные мужья хотят помнить, и ни в коем случае о том, о чем они пытаются забыть.

Вот такая по существу заземленная и укороченная, даже травмированная, историческая память в силу отмеченных обстоятельств превращается в сжатые сроки в своеобразную метаисторию, поскольку в поединке между памятью и историей преимущество стало отдаваться все-таки памяти. К тому же общественному мнению стала навязываться мысль, что именно вот такое “отфильтрованное” понимание истории и является в действительности реализацией идеи “ответственности перед памятью поколений”.

Что празднуем?

Подводя итоги, следует акцентировать на том, что успех празднования любого юбилея, о дате которого договариваются (и это вошло в норму!), зависит от его содержательного наполнения. Всегда на первом месте должен стоять вопрос: какую сверхзадачу мы ставим, и какого конечного результата ожидаем? С моей точки зрения, эта сверхзадача в Украине была четко сформулирована Ларисой Ившиной в предисловии к книге “Сила мягкого знака”: “подняться до уровня собственной истории”! Но, как мне кажется, в этой истории следует вычленить доминирующее звено, которое сегодня является первостепенным, – “Русь-Украина как мир-система”, в первую очередь как система власти и надлежущей моральной и соционормативной культуры – а уже через эту призму и анализировать украинскую историю.

Вся история Украины является своеобразной иллюстрацией сложности осуществления основного социокультурного закона – определения меры в процессе объединения цивилизационной специфики культуры и социальной практики. Основное противоречие, которое было заложено в генофонде формировавшегося украинского народа после распада Руси, состояло в том, что унаследованная преимущественно восточная, греко-византийская религиозная и культурная традиции в силу исторических обстоятельств должна была найти адекватный ответ на вызов со стороны общественно-политической системы Запада.

Уже 1000 лет тому назад крещение Киевской Руси имело свои особенности. Кирилл и Мефодий еще в час пребывания в Великой Моравии стремились отстоять право славянской общности на самостоятельность, отыскать свой путь между римским и византийским влиянием [26, с. 11–12]. Уже тогда намечавшийся раскол церквей они пытались разрешить обращением к истинам раннего христианства. Евангелизм Киевского христианства в большой мере был сориентирован на традицию апостола Павла, утверждающую единство и равенство во Христе всех людей. Эта версия христианства закладывала предпосылки идеи “свободной личности”, интерес к внутреннему миру человека, его души, поиску Бога, страдания и сочувствия. Новый Завет был источником первооснов свободной личности в ментальности народа [27, с. 9–23].

В итоге, магистральное направление соционормативной культуры украинского народа формировалось в традиции раннего восточного христианства, апеллируя к равенству и нестяжательству. А взаимодействие двух противоположных традиций – восточного культурного наследия, с одной стороны, и инновационных рационалистических влияний западных социальных отношений – подталкивали украинцев к синтезу Востока и Запада, делали Украину инициатором объединительных традиций. Но, увы – результаты оказались драматичными. Украина, размещенная между мирами греческо-византийской и западной культур и законный член их обоих, пыталась в течение своей истории объединить эти две традиции в одну живую синтетическую модель. Она приближалась к этому синтезу в

великие эпохи своей истории, однако вопреки богатым возможностям и частичным успехам, попытки окончательного синтеза свелись к неудаче. Украина не сумела полностью выполнить эту миссию и пала под гнетом чрезвычайного внешнего давления и внутренних противоречий.

XX в. снова поставил Украину перед задачей самоопределения. Ее разрешение Михаил Грушевский видел на пути синтеза исторического опыта, приобретенного украинским народом и в княжеский период (до Люблинской унии 1569 г.), и времен Гетманщины. Однако освободительное движение 1917–1921 гг. засвидетельствовало недостаточный государственный потенциал крестьянства, которое составляло в те годы до 90 % украинского населения в целом. Разрешение проблемы синтеза, а значит и появления новейшей Украины, снова откладывалось ко времени возникновения новых геополитических условий и наращивания новых движущих сил.

Теоретик украинского государственного строительства Вячеслав Липинский поставил задачу на будущее в принципиально новое русло: вместо восприятия украинцев как этноса, он призывал формировать украинство как гражданское сообщество, способное синтезировать опыт Востока и Запада. На этом пути, писал Липинский, “основным отличием Украины от Москвы является не язык, не племя, не вера..., а другое, образованное веками политическое устройство, другой... метод организации правящей страты, другие взаимоотношения верхов и низов, государства и гражданства – тех, кто управляет, относительно к тем, кем правят” [28].

Вот эти отличительные признаки русских и украинцев застрельщики “триединого русского народа” стараются в упор не видеть, размахивая в то же время жупелом “мазепинщины” – как якобы проявления сепаратизма, радикального национализма, а то и расизма. И это очень досадно для нашей современности, которая создает спрос на подобных идеологов, вносящих раздор между нашими странами. Как отмечает ведущий теоретик по расовому вопросу Клод Леви-Стросс, благодаря навешиванию ярлыков расизма “в умах людей произошла путаница понятий расизма и антирасизма”; и дальше объясняет: “Любая культура развивается благодаря обмену с другими культурами. Но необходимо, чтобы каждая культура оказывала определенное сопротивление, в ином случае она очень быстро утратит то, что присуще только ей”; по мнению ученого, “эта ситуация существовала фактически во все времена. Это норма человеческого поведения. И называя это расизмом, мы рискуем разжечь вражду, потому что большинство неискушенных людей скажут: ну, если это расизм, значит, я – расист” [29]. И если, не приведи Господи, во время юбилейных торжеств застрельщики определенных политических сил пойдут на взаимные обвинения в расизме или радикальном национализме, то это будет что-то на грани преступления против человечности.

Точки соприкосновения

Таким образом, это самое “определенное сопротивление” в сфере культуры по Леви-Строссу и представляет собой тот самый барьер, который украинцам (одним – трудно, другим – невозможно) перешагнуть в отношении к совместным юбилейным празднованиям 1150-летия зарождения российской государственности. И суть дела скорее не в украинской стороне, а в позиции стороны российской – поскольку сила действия всегда порождает силу противодействия. Дабы уйти от необходимости анализировать российские предрассудки (занятие довольно деликатное и неблагодарное), предоставлю слово известному российскому публицисту, поэту и националисту Алексею Широпаеву. Кстати, отношусь к понятию национализма без какого-либо предубеждения, как к одному из течений общественной мысли.

Касательно российско-украинских отношений он пишет: “Все-таки в отношении русских к украинцам, к Украине таится что-то ключевое судьбоносное – для нас русских. Для украинцев Россия тоже значима, но только как точка отталкивания, помогающая осознанию своей, украинской, инаковости. Для русских же Украина, напротив, точка постоянного притяжения, ревнивого внимания, объект поглощения как чего-то “исконно своего” и переделки по собственному образу и подобию. Ничто так не раздражает русских,

как очевидные различия с украинцами в языке, менталитете, культуре, историческом опыте. Если русские и признают эти различия, то лишь на уровне различий, скажем, между Владимирщиной и Рязанщиной, но никак ни на уровне отношений двух разных народов... Надо сказать, что на словах русские всегда готовы признать, что украинцы – народ, но внимание! – “братский народ”. За этой лукавой формулой кроется твердое убеждение, что мы – русские и украинцы – ОДИН народ, призванный жить в одном государстве со столицей в Москве”; украинцы не могут воспринять такой тип мышления, когда, по Широпаеву, говоря о “братском украинском народе”, большинство русских воспринимают украинский язык и само украинство как досадное историческое недоразумение, исторический вывих, возникший благодаря зловредному влиянию Литвы и Польши: “И при этом русские не задаются вопросом: а может вывихом-то являются они сами?” [30].

Однако радуется то обстоятельство, что новое отношение к Украине формируется ныне во все более широких слоях населения – и, в первую очередь, в среде демократически настроенной российской интеллигенции. Например, такие авторитетные российские историки как Ю. Пивоваров и А. Фурсов призывают: “Надо заглянуть поглубже в Историю – в киевские времена, помня при этом, однако, что “киевская модель” не просто отличалась от “московской модели”, но во многих отношениях была ее антиподом, и что не Москва, а Литва (Великое Княжество Литовское, Руськое и Жемайтійское. – В. Т.) – реальный “модельный” наследник Киевской Руси” [31, с. 16].

Не отказываясь от “киевского наследства” (и они правы, потому что Русь была своеобразной цивилизационной Вселенной во всей Восточной Европе, которая, кроме киевского “ядра” имела еще и громадную “Внешнюю Русь”), указанные авторы определяют для себя, что все, “что мы называем Русской Системой, стало возникать в ордынскую эпоху (этот термин представляется нам более адекватным, чем “удельная эпоха”), при “белокостных” (“цаган ясун”) ордынских царях... Историческим “мигом-вечностью” рождения Русской Системы стала Великая Самодержавная Революция (1517/1565–1649), в ходе которой в форме самодержавия окончательно сформировался-выковался тот субъект – Русская Власть, который мог создавать, конструировать, высекать, полагать, специализировать (от “space” – пространство) некую систему” [31].

Если инициатива Острожской академии войдет в практическую фазу, и мы в Украине будем отмечать какую-то юбилейную дату, связанную с историей Руси-Украины, то, очевидно, следует согласиться с трактовкой Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым относительно тех характерных черт “Руськой Системы” киевского периода, которые мы уважаем и пытаемся отвечать им в настоящем. В первую очередь речь, очевидно, идет о том, что тогдашняя Русь была обществом европейским и полисубъектным. Европейский тип общественного развития отличается от других тем, что основан не только на фиксации субъектности общества, но и самого субъекта в обществе. Принятие христианства стало не только громадной духовной, но и социальной революцией. Оно создало социальную модель индивидуального субъекта, где, в сущности, был соединен индивид физический и индивид социальный.

Христианское общество является полисубъектным как социальный тип: историческими субъектами в нем становятся (и признаются) отдельные индивиды, группы, корпорации, институции и государство. Так или иначе, в контексте властных отношений разные княжества Руси представляли собой “социальные четырехугольники” с углами: “князь”, “боярство”, “вече”, “церковь”. Понятно, что в разных землях Руси доминировали разные “углы”. Но даже там, где господствующим “углом” был княжеский, даже там, где у князя исторически была наилучшая позиция относительно других “углов”, где не “общество” призывало князя, а княжеская власть в силу целого ряда причин выстраивала общество (Северо-Восточная Русь), эта власть не имела в своем распоряжении такого объема насилия, чтобы стать единой и качественно изменить соотношение сил, “углов” в четырехугольнике, не говоря уже о том, чтобы сломать его, а тем более лишить “углы” субъектности.

Аргументация Ю. Пивоварова и А. Фурсова такова: “Когда Андрей Юрьевич Боголюбский, решив действовать по принципу “власть первична”, “власть всё”, попытался подмять под себя бояр и церковь, стать первым в русских историях (а ретроспективно и в Русской Истории) единодержцем и превратить “четырёхугольник” власти в сингулярную точку Власти, из которой возникает все остальное, его отправили на тот свет” [31, с. 19]. В то время личные устремления князя еще не стали доминирующими – не было у власти сил для осуществления тотального насилия, тем более, что ей противостоял вооруженный народ. Русич-простолюдин домонгольских времен часто был не только вооруженным, но и знал, что за ним стоит вече.

То, что случилось с демократическими традициями Руси впоследствии, это уже другая тема для разговора. История того или иного общества является открытой системой, а ее развитие не является фатально предопределенным – всегда есть альтернативы, не говоря уже об игре случая. Исторический процесс можно было бы признать мистическим, если бы из него исключить случайность, писал Карл Маркс. И он был прав. Сегодня мы тоже находимся в состоянии выбора – или демократической традиции системы власти, или самодержавной – и этот выбор зависит от каждого из нас. Именно эту мысль в первую очередь должны были донести до общественного сознания организаторы торжества, если бы дело дошло до какого-то провозглашенного юбилея Руси-Украины.

Хотя, как мне кажется, сегодня еще нет необходимого общественного консенсуса на предмет какой-то годовщины украинской государственности. Да и само государство ныне не вызывает пока что в общественном мнении необходимого для юбилея пиетета. Что, несомненно, может сплотить Украину – это предстоящий юбилей 200-летия Тараса Шевченко с неизбежной тоской Великого Кобзаря по социальной справедливости и равенстве всех народов.

Список использованных источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 г. № 267 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/printable/2011/03/05/gos1150-dok.html>, свободный.
2. Медведев велел праздновать 1150-летие российского государства [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://fed.sibnovosti.ru/articles/139057-medvedev-vel-el-prazdnovat...>, свободный.
3. BBC Russian – Россия – 1150-летие российского государства... [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/03/110307_russia_gyurik..., свободный.
4. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/604489/>, свободный.
5. Лосев И. Росія готується до “1150-річчя російської держави”. Хто в Україні відповість на цей виклик? / І. Лосев // “День”. – 2011. – №№ 132–133. – 29 липня.
6. “Ця книжка – стратегічного значення” // “День”, 2011. – № 170–171. – 23–24 вересня. – С. 6.
7. Сила м’якого знака, або Повернення Руської правди / ред.: Л. Івшина. – Вид-во ПрАТ “Українська пресгрупа”. – К. – 2011. – 800 с.
8. Валлерстайн І. Миросистемний аналіз: вступ / І. Валлерстайн. – М., Издательский дом “Территория будущего”, 2006. – 247 с.
9. Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag) / О. Прицак. – К., “Обереги”, 1997. – 1073 с.
10. Клейн Л. Антинорманизм как диагноз [Эл. ресурс] / Л. Клейн. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2010/12/03/klejn_antinormanism/print/, свободный.
11. Хазария. Электронная еврейская энциклопедия [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/14401>, свободный.
12. Медведев призвал отметить 1150-летие России [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/412647/>, свободный.
13. Медведев предложил отметить 1150-летие возникновения российского государства [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsinfo.ru/news/2009-09-18/medvedev/722293/?mod...>, свободный.
14. В стране новый суперпроект – “1150-летие России” [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dp.ru/f/2010/07/27/V-strane-novij-superproekt/>, свободный.
15. Форум умных людей. Новгородский губернатор: 1150-летие... [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.nov.ru/lofiversion/index.php?t284667.html>, свободный.
16. См.: [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/412647/>; <http://www.newsinfo.ru/news/2009-09-18/medvedev/722293/?mod...>; <http://forum.nov.ru/lofi-versi-on/index.php? t284667.html>; <http://forum.nov.ru/lofiversion/index.php?t278240.html>, свободный.
17. Сергей Пантелеев: России, Украине и Белоруси нужен Гражданский форум [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russkie.org/index.php?module=printnews&id=19893>, свободный.
18. Конец евроиллюзий: нужен ли Гражданский Форум Украины... [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://frazua.com/analytics/13.11.10/103445.html>, свободный.
19. Совет по подготовке празднования 1150-летия образования [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1..., свободный.
20. Единая Одесса [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edinaya-odessa.org/publ/print: page,1,28858-obshhestve...>, свободный.
21. Шестаков В. 1150 лет Древней Руси, или Очередная попытка исторически объединить Россию, Украину и Беларусь [Эл. ресурс] / В. Шестаков. – Режим доступа: <http://www.fraza.ua/print/28.04.115162/.html>, свободный.
22. В УПЦ КП отметят 1150-летие учреждения Киевской Митрополии и Крещения Руси во времена Аскольда [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://risu.org.ua/article-print.php?id=45936&name=uo&lang=ru&>, свободный; К вопросу о начале русской иерархии. К 1150-летию основания Киевской Митрополии [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religion.sn.ua/main/history/print:page,1,14789-k-voprosu...>, свободный.
23. Президент России. Официальный сайт [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/news/12075/print>, свободный.
24. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности [Эл. ресурс] / Ф. Артог. – Режим доступа: <http://magazines.ru/nz/2008/3/ar3.html>, свободный.
25. Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії / Р. Козеллек. – К.:

“Дух і літера”, 2006. – 436 с. 26. *Українська церква між Сходом і Заходом* / наук. ред.: П. Яроцький. – К., 1966. 27. *Історія релігії в Україні у двох томах. Т. 2. – Українське православ'я.* – К., 1977. 28. *Липинський В.* Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму / В. Липинський. – Київ-Філадельфія, 1995. – С. XXV. 29. *Раса* и политика. Беседа Клода Леви-Стросса с Дидье Эрибоном [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/interview/70/>, свободный. 30. *Широпаев А.* Украинский и российский пути в истории: толчок к размышлениям [Эл. ресурс] / А. Широпаев. – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=298307&mainlang=rus>, свободный. 31. *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. М.* Русская Система: генезис, структура и функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) / Ю. С. Пивоваров, А. М. Фурсов // Русский исторический журнал. – 1998. – № 3. – С. 16.

Васи́лий Ткаченко

**О ПРАЗДНОВАНИИ 1150-ЛЕТИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ВЗГЛЯД С УКРАИНЫ**

В статье рассмотрена версия мир-системного анализа происхождения Руси под углом зрения празднования в Российской Федерации юбилея 1150-летия зарождения российской государственности.

Ключевые слова: Русь, Русь-Украина, Российская Федерация, российская государственность, мир-системный анализ, мини-системы, мир-империи, мир-экономика, норманисты, антинорманисты.

Vasyl Tkachenko

**ON THE CELEBRATION OF THE 1150TH ANNIVERSARY OF RUSSIAN STATEHOOD: A
VIEW FROM UKRAINE**

In the paper, the author considers the version of the world-system analysis of the Rus origin in the angle of view of celebration of the 1150th anniversary of Russian Statehood conception, in Russian Federation.

Key words: Rus, Rus-Ukraine, Russian Federation, Russian Statehood, world-system analysis, mini systems, world empires, world economy, Normanists, Anti-Normanists.